

Семинаріи по уголовному праву прив.-доц. М. Н. Гернета при Московскомъ
Университетѣ. Выпускъ IV.

56. Х. М. Чарыховъ.

Ученіе о факторахъ преступности.

СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ВЪ
НАУКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Съ предисловіемъ М. Н. Гернета.

Les sociétés ont les criminels
qu'elles méritent.

Lacassagne.

М О С К В А.

Типография Управленія М.-Курской, Нижегород. и Муромской жел. дор.
1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	стр. V.
-------------------	---------

Часть первая.

Глава I. Содержаніе науки уголовного права.....	1.
Глава II. Методы науки уголовного права.....	9.

Часть вторая.

Факторы преступности.

Глава I. Классификація факторовъ преступности.....	17.
Глава II. Общественные факторы преступности.....	20.
Раса—20. Религія—24. Городъ и деревня— 27. Алкоголь—38.	
Проституція—43. Экономическое и социальное положеніе—47.	
Глава III. Индивидуальные факторы преступности.....	59.
Происхожденіе и воспитаніе—59. Образованіе—69. Воз- растъ—72. Полъ—82. Семейное положеніе—89. Физическія и психическія свойства преступника—95.	
Глава IV. Вліяніе физической среды на преступность	105.
Глава V. Выводы.....	116.

Часть третья.

Проблемы преступности.

Глава I. Движеніе преступности.....	121.
Глава II. Классификація преступниковъ и преступленія.....	135.

Указатель литературы.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Г. Чарыховъ поставилъ своею задачею дать характеристику соціологическаго направленія въ наукѣ уголовного права и выяснить современное положеніе ученія о факторахъ преступности.

Авторъ начинаетъ свою работу съ изложенія различныхъ взглядовъ на содержаніе и методы науки уголовного права, останавливается на классификаціи факторовъ преступности, подробно изслѣдуетъ ихъ значеніе въ связи съ ростомъ преступленій и, въ заключеніе, даетъ классификацію преступности.

Соціологическая школа нашла въ г. Чарыховѣ желаннаго сторонника. Его работа появляется въ счастливое время, когда бушевавшія страсти разгоряченныхъ спорами криминалистовъ классиковъ, антропологовъ и соціологовъ значительно улеглись, и обычныя въ такіе моменты преувеличенія и ошибки уступили мѣсто болѣе спокойной научной критикѣ. Это дало возможность молодому автору сохранить полнѣйшее научное безпристрастіе въ оцѣнкѣ итоговъ, достигнутыхъ соціологическою школою и ея противниками. Онъ имѣлъ также возможность использовать развившуюся за послѣдніе годы статейную литературу новыхъ школъ на русскомъ языкѣ и сдѣлалъ это исчерпывающимъ образомъ и кромѣ того пользовался иностранной, преимущественно французской, монографической литературой.

Авторъ далеко не всегда остается въ роли историка интересующаго его научнаго движенія. Онъ вноситъ критическій элементъ и иногда самъ обращается къ сырому матеріалу—къ цифрамъ русской, французской и нѣмецкой уголовной статистики и подкрѣпляетъ ссылками на нихъ свою основную точку зрѣнія, проведенную имъ ярко и вполне послѣдовательно.

Въ соціологическомъ направленіи г. Чарыховъ является сторонникомъ того крыла, которое придаетъ экономической структурѣ общества рѣшающее значеніе въ развитіи преступности и въ образованіи ея характера. Онъ выдвигаетъ значеніе этого момента, разсматриваетъ ли вліяніе возраста, пола, образованія, семейнаго положенія и пр., относимыхъ имъ въ группу индивидуальныхъ факторовъ, или расы, религіи, мѣстожителства, профессіи, алкоголизма, зачисляемыхъ имъ въ число общественныхъ причинъ. Такимъ образомъ, авторъ является противникомъ общепризнанной трехчленной классификаціи факторовъ преступности и примыкаетъ къ проф. Листу, отвергшему физическія причины. Однако указываемое имъ различное вліяніе космической среды въ разное время скорѣе говоритъ, по нашему мнѣнію, въ пользу трехчленной классификаціи, нежели противъ нея. Если замерзаніе рѣкъ въ древнюю эпоху приводило къ прекращенію сношеній, а въ настоящее время не является препятствіемъ для нихъ, то это лишь доказываетъ, что значеніе *физическаго* фактора *можетъ* быть парализовано вліяніемъ соціальной среды. Завоеванія чело-вѣческаго генія ведутъ насъ съ каждымъ годомъ къ новымъ побѣдамъ надъ физической природой, но вліяніе послѣдней не уничтожается вполнѣ. Возможность парализованія физическаго фактора посредствомъ созданія извѣстной соціальной среды также не устраняетъ категорію физическихъ причинъ, какъ установленіе въ опредѣленномъ случаѣ, на примѣръ, благопріятной матеріальной обстановки не упраздняетъ нужды изъ числа причинъ преступности.

Въ вопросѣ о методахъ науки уголовного права авторъ выясняетъ ошибочность нѣкоторыхъ представителей классической школы, называющихъ свой въ дѣйствительности „логическій методъ“ именемъ „положительнаго“, „позитивнаго“. Опредѣляя широко задачи нашей науки, г. Чарыховъ высказывается за оба метода—дедуктивный и позитивный, но считаетъ необходимымъ въ видахъ исчерпывающаго изученія феноменовъ ввести еще „методъ діалектическій“, т. е. „разсматривать явленія въ развитіи, въ движеніи, въ возникновеніи и уничтоженіи и тѣмъ самымъ обнаруживать противорѣчивую, діалектическую природу

явленій“. Если позитивный методъ констатируетъ связь между соціальной средой и преступленіемъ, то діалектическій методъ пытается дать отвѣтъ на интересный вопросъ: почему эта среда порождаетъ преступленіе? Таково оригинальное ученіе молодого автора о методахъ нашей науки.

Авторъ совершенно правильно придаетъ большое значеніе вопросу о классификаціи преступниковъ, мало затронутому въ русской литературѣ. Онъ знакомитъ читателя съ различными попытками, сдѣланными въ этомъ направленіи нѣсколькими криминалистами (Листомъ, Ферри, Ашафенбургомъ, Ольрикомъ, Ледосомъ и др.) и даетъ свою соціологическаго характера. Она находится въ согласіи со взглядами автора на причины преступленій и на задачи уголовной политики. Онъ раздѣляетъ послѣднюю на двѣ: ближайшая уголовная политика и конечная. Первая есть борьба, построенная на компромиссахъ и палліативная, а вторая—радикальная, соціально-политическая въ настоящемъ и въ будущемъ смыслѣ этого слова. Только борьба съ причинами ведетъ не къ кажущейся и временной, а дѣйствительной и твердой побѣдѣ.

Выдвигая значеніе характера причинъ преступности въ классификаціи преступниковъ, авторъ замѣняетъ послѣднюю дѣленіемъ самой преступности, а въ связи съ этимъ говоритъ и о формахъ конечной, радикальной борьбы. Въ этомъ отличіе его дѣленія отъ *уголовно-политическихъ* классификацій большинства криминалистовъ, устанавливающихъ признакомъ дѣленія личныя особенности преступниковъ.

Когда работа г. Чарыхова уже была закончена печатаніемъ, мы получили новую, вышедшую на французскомъ языкѣ, книгу Maxwell: *Le crime et la Société* (послѣдній выпускъ *Bibliothèque de philosophie scientifique*. Paris, 1909, 355 p.), въ которой, при дѣленіи преступниковъ, также обращается вниманіе на причины преступности, какъ соціальнаго явленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на индивидуальныя особенности правонарушителей. Въ то время, какъ въ классификаціи г. Чарыхова всего четыре члена, дѣленіе, предлагаемое Maxwell'емъ, отличается большою дробностью. Онъ различаетъ два вида преступности—ретроградную и эволютивную

(*rétrograde et antirétrograde*). Армія преступниковъ состоитъ, далѣе, изъ привычныхъ (по привычкѣ пріобрѣтенной и врожденной) и случайныхъ. Послѣдніе дѣлятся по *причинамъ* и *мотивамъ* преступленій на четыре группы: 1) причины фізіологическія (голодъ, нищета, половыя влеченія); 2) психологическія (лакомство, пьянство, частная собственность, роскошь, любовь, ревность, шантажъ); 3) мотивы (гнѣвъ, ненависть, месть) и 4) психо-соціальныя чувства (честь, религіозность, суевѣріе, политическая преступность). Недостатки этой классификаціи очевидны: здѣсь нѣтъ опредѣленно выдержаннаго масштаба дѣленія не только по четыремъ большимъ группамъ, но и внутри нихъ.

Конечно возможны возраженія и противъ классификаціи г. Чарыхова, но намъ хотѣлось подчеркнуть ея особенность—перенесенія ею центра тяжести вниманія съ преступника на преступность.

Мих. Гернетъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

Какъ и во всякой наукѣ, въ наукѣ уголовного права была эпоха своего Sturm und Drang'a, когда подъ давленіемъ выдвинутыхъ на арену дѣйствительности запросовъ жизни старыя формы и методы научнаго познанія уступили мѣсто новымъ направленіямъ и теченіямъ.

Во второй половинѣ XIX вѣка начинается крутой поворотъ въ области криминалистической мысли, ознаменовавшійся цѣлымъ рядомъ научныхъ завоеваній.

Господствовавшая до того времени классическая школа должна была уступить мѣсто новымъ направленіямъ, входящимъ въ сферу научнаго познанія съ новыми запросами жизни и новыми способами изученія этихъ запросовъ.

Была выдвинута на очередь проблема преступленія и наказанія во всей широтѣ и полнотѣ. Отправляясь отъ пониманія этой проблемы, новыя направленія приходятъ къ необходимости коренного измѣненія зданія науки уголовного права требованіемъ *расширенія содержанія* науки путемъ введенія въ нее новыхъ научныхъ дисциплинъ и новыхъ методовъ изученія.

Такимъ образомъ, проблема преступленія и наказанія, сдѣлавшись ареной перекрестныхъ огней научной полемики, выдвинула собой споръ о самомъ *содержаніи* и *методахъ* науки уголовного права. И до сихъ поръ еще вопросы содержанія и метода не потеряли своего жгучаго интереса.

Классическая школа, опредѣляя преступленіе, какъ *явленіе юридическое*, тѣмъ самымъ исчерпываетъ содержаніе науки уголовного права, ограничивая предѣлы своего изученія преступленія исключительно какъ явленія юридическаго.

Методомъ изученія этого юридическаго явленія, какъ *понятія*, является поэтому методъ логическій, дедуктивный.

Новыя направленія, опредѣлявшія преступленіе, какъ явленіе *не только юридическое*, но какъ *біологическое и соціальное*, тѣмъ самымъ расширяли содержаніе науки, внося въ нее біологическое и соціологическое изученіе преступленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, такое изученіе выдвинуло необходимость въ пользованіи и соотвѣтствующими методами.

Классическая школа, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей опредѣляетъ преступленіе, какъ явленіе, обнимающее собой сферу «юридическихъ отношеній» ¹⁾, и какъ таковое, являющееся объектомъ чистаго юридическаго изслѣдованія, «изученія юридической конструкціи преступныхъ дѣяній» ²⁾; преступное дѣяніе, какъ фактическое отношеніе, въ предѣлахъ юридическаго понятія, не должно становиться предметомъ изученія криминалиста, ибо для уголовного права «преступленіе и наказаніе суть понятія» ³⁾, какъ выражается классикъ Набоковъ.

Такая конструкція классической школы понятія преступленія съ неизбежностью приводила къ игнорированію личности преступника, какъ носителя преступнаго дѣянія. А между тѣмъ, послѣдняя должна была быть изучаема наукой просто потому, что во-первыхъ, уголовный законъ въ своемъ пониманіи преступленія, какъ таковаго, ясно и опредѣленно считается именно *съ личностью* преступника, и во-вторыхъ, потому, что объектомъ карательнаго воздѣйствія уголовного закона является непосредственно эта *личность*.

Извѣстно, что для уголовного закона преступленіе, какъ таковое, имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если при совершенномъ дѣяніи имѣется въ наличности весь *составъ преступленія*. При отсутствіи одного изъ элементовъ этого

¹⁾ В. Набоковъ, Сборникъ статей по уголовному праву, С.-П.-Б.. 1904 г. стр. 8.

²⁾ С. Таганцевъ, Русское уголовное право, С.-П.-Б., 1902 г., т. I. стр. 16.

³⁾ В. Набоковъ, *op. cit.*, стр. 5.

состава, діяніе становится неинкриминируемымъ. Такъ, достаточно, наприкладъ, отсутствія *элемента вмѣняемости* въ составѣ преступленія, чтобъ уголовный законъ не каралъ хотя бы за такое діяніе, какъ убійство, ибо для уголовного закона понятіе убійства, *какъ преступленія*, является совокупностью опредѣленныхъ элементовъ, *только въ синтезѣ* дающей *понятіе преступленія*. Слѣдовательно, одно констатированіе дѣйствія, посягающаго «на правоохраняемый интересъ» ¹⁾, не составляетъ еще собой, въ пониманіи уголовного закона, преступленія, какъ таковаго ²⁾. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что законъ при квалификаціи дѣйствія, «посягающаго на правоохраняемый интересъ» считается съ уголовной дѣеспособностью субъекта, а это значитъ, что при конструированіи *понятія* преступленія, уголовный законъ учитываетъ субъективные особенности автора дѣянія, именуемаго преступнымъ. Учитывать особенности преступника — значитъ считаться съ психо-физической организаціей субъекта. А это возможно только путемъ *изученія* этой организаціи.

Такимъ образомъ, исходя исключительно изъ догматическаго пониманія преступленія, мы приходимъ къ необходимости изученія личности преступника. Понятно, что изученіе психо-физической организаціи субъекта, не можетъ быть предметомъ юридическаго изслѣдованія; оно составляетъ самостоятельныя области антропологическаго и соціологическаго изслѣдованій. Поэтому, является необходимымъ, на ряду съ юридическимъ, выдвинуть также антропологическое и соціологическое изученіе преступленія.

Классическая школа устраняетъ изъ науки уголовного права двѣ послѣднія области изученій, предоставляя ихъ

¹⁾ С. Таганцевъ, *op. cit.*, стр. 50.

²⁾ Интересно здѣсь отмѣтить противорѣчіе въ пониманіи преступленія уголовнымъ закономъ и, стоящей на догматической точкѣ зрѣнія, классической школой. При совершеніи *невмѣняемымъ* убійства, уголовный законъ не караетъ, ибо на ряду съ дѣйствіемъ нѣтъ полного состава преступленія. Однако, хотя бы при отсутствіи вмѣняемости, убійство, *какъ таковое*, не перестаетъ быть „посяганіемъ на правоохраняемый интересъ“. Чисто догматическая конструкція понятія преступленія привела къ такому внутреннему противорѣчію.

соотвѣтствующимъ научнымъ дисциплинамъ (антропологiи и соціологiи), при необходимости руководствуясь уже готовыми данными изслѣдованiй этихъ наукъ ¹⁾.

Однако, какъ правильно замѣчаетъ проф. Чубинскiй, такой прiемъ пользованiя данными, «безъ серьезной критической ихъ провѣрки», будетъ неправильнымъ, ненаучнымъ, ибо «въ наукѣ нельзя пѣть съ чужого голоса, и притомъ даже не стараясь дать себѣ отчетъ, не фальшиво ли поетъ первый голосъ» ²⁾.

Поэтому антропологическое и соціологическое изученiе должны входить въ науку уголовного права не какъ «восполняющiе» ³⁾ элементы, а наоборотъ, какъ самостоятельные.

Такимъ образомъ, расширяясь въ своемъ содержанiи, наука выдвигаетъ на очередь задачи новыхъ способовъ изученiя явленiя. Догматическое изученiе становится недостаточнымъ, ибо расширяется само *понятiе преступленiя*.

Догматическое, антропологическое и соціологическое изученiе явленiя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что *природа явленiя* суммируетъ въ себѣ опредѣленную совокупность особенностей; слѣдовательно, *понятiе* этого явленiя должно конструироваться путемъ учета всѣхъ особенностей послѣдняго.

Классическая школа конструируетъ понятiе преступленiя, учитывая одну юридическую его природу. Поэтому она права со своей точки зрѣнiя, считаясь съ преступленiемъ, какъ съ понятiемъ. Но съ догматической точки зрѣнiя (а это особенно важно для классической школы) она далека отъ истины, ибо абстракцiя уголовного правоотношенiя не всегда даетъ уголовному закону *понятiе* преступленiя. Поэтому конструкцiя этого понятiя классической школы является совершенно недостаточнымъ не только съ точки зрѣнiя природы явленiя, но и съ точки зрѣнiя далеко несовершеннаго современнаго нашего уголовного закона.

¹⁾ С. Таганцевъ, *op. cit.*, т. I, стр. 14.

²⁾ Проф. М. Чубинскiй, *Очерки уголовной политики*, Харьковъ, 1905 г., стр. 51.

³⁾ С. Таганцевъ, *op. cit.*, стр. 14.

Исторія уголовного законодательства даетъ намъ яркую картину эволюціи пониманія уголовнымъ закономъ преступнаго дѣянія ¹⁾.

Жизненные отношенія вносили свои поправки въ право-возрѣнія законодателей. Наукѣ необходимо было чутко прислушиваться къ этимъ поправкамъ.

Классическая школа осталась глухой къ новымъ запросамъ жизни, стоя на вѣкахъ воздвигнутыхъ цитаделяхъ юридической догматики. Одностороннее пониманіе преступленія привело ее къ неправильной констуркціи его понятія и къ недостаточному опредѣленію *содержанія* науки, изучающей преступленіе.

Но научная криминалистическая мысль не могла оставаться въ состояніи такого огражденнаго пониманія явленія. Для восполненія этого коренного пробѣла явились новыя теченія научной мысли, попытавшіяся обнять своей работой все содержаніе изучаемаго явленія, и тѣмъ самымъ раздвинуть предѣлы содержанія самой науки.

Во главѣ новой криминалистической мысли сталъ извѣстный туринскій профессоръ, докторъ психіатріи, *Цезарь Ломброзо*, положившій своими изслѣдованіями основу *антропологической школы* въ наукѣ уголовного права.

Въ 1878 г. Ц. Ломброзо выступилъ со своимъ большимъ изслѣдованіемъ, носившимъ характерное названіе не только для самой работы автора, но и для школы, для которой съ того времени оно стало незыблемымъ догматомъ. Это былъ „L'Uomo delinquente“, переведенный потомъ на многіе европейскіе языки. Изслѣдуя многочисленныхъ преступниковъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, Ломброзо обобщилъ свои наблюденія теоріей существованія „преступнаго человѣка“ (врожденнаго преступника), приведшей автора къ констуркціи смѣлой, идущей вразрѣзъ съ вѣками существовавшими догматами, уголовно—правовой теоріи.

¹⁾ Проф. Фр. Инетъ. Учебникъ уголовного права. общая часть Москва. 1903 г., стр. 1—33.

Находя среди преступниковъ особую разновидность человеческого рода—врожденного преступника, отличающагося всей своей психо—физической конституціей отъ не преступника и отъ другихъ преступниковъ, Ломброзо поднялъ впервые вопросъ о классификаціи преступниковъ, тѣмъ самымъ выдвинувъ на очередь для уголовно—правовой науки настоящую необходимость изученія *личности* преступника.

Теоретическимъ постулатомъ своего новаго уголовно-правового ученія Ломброзо выставилъ ученіе о *преступленіи*, какъ явленіи *біологическомъ*. Сдѣлавъ такимъ образомъ предметомъ своего изученія личность преступника, его біологическую природу, какъ единственную особенность, исчерпывающую всю сущность явленія, онъ всю силу своей научной мысли сосредоточилъ на одной особенности явленія, отбросивъ, въ пылу увлеченія, остальные.

И исходя изъ новаго ученія о преступленіи, Ломброзо намѣтилъ предѣлы уголовно правовой науки, сдѣлавъ ея *содержаніемъ* одно *антропологическое изученіе* преступленія.

Въ послѣдующіе годы развитія криминалистической мысли, Ломброзо и его ученикамъ пришлось вносить коренныя поправки къ этому ученію,—поправки, раздвигающія предѣлы понятія изучаемаго явленія. И этотъ процессъ развитія школы завершился и нашелъ законченную формулировку въ работахъ даровитаго ученика Ломброзо—*Энрико Ферри*, выдвинувшаго наряду съ біологической природой преступленія его *соціальную* природу. ¹⁾ Исходя, такимъ образомъ, изъ ученія о преступленіи, какъ явленіи *біо—соціальномъ*, новая школа *содержаніемъ* науки уголовного права въ ея первыхъ работахъ дѣлаетъ *антрополого-соціологическое изученіе* преступленія, оставляя въ сторонѣ изученіе юридическое.

Не касаясь принципиально ученія о біо-соціальной природѣ преступленія ²⁾, намъ придется здѣсь возражать антропологи-

¹⁾ Э. Ферри. Уголовная соціологія, Москва 1908 г., стр. 99.

²⁾ Мы—остановимся на этомъ вопросѣ во второй части нашей работы, трактующей о факторахъ преступности.

ческой школѣ съ точки зрѣнія содержанія науки уголовного права. Исчерпывается-ли все содержаніе уголовно-правовой науки изученіемъ біо-соціальной природы преступленія? Не является-ли игнорированіе юридической природы явленія недостаткомъ ученія антропологической школы?

На первый вопросъ антропологическая школа даетъ вполнѣ утвердительный отвѣтъ, ибо она изъ своей конструкціи понятія преступленія совершенно выбрасываетъ юридическую природу послѣдняго.

Преступленіе, какъ юридическое отношеніе, какъ юридическое явленіе, на ряду съ біо-соціальнымъ для антропологической школы не является самостоятельной категоріей, ибо «преступленіе, какъ явленіе юридическое, не есть нѣчто отличное отъ преступленія, какъ явленіе соціальное» ¹⁾, а потому и не является предметомъ самостоятельнаго юридического изученія. И такое изученіе для крупнаго представителя школы—Э. Ферри, является «чисто-схоластическимъ упражненіемъ надъ теоретическими абстракціями» ²⁾, хотя въ другомъ мѣстѣ, въ противорѣчіе съ только что приведеннымъ мнѣніемъ, Ферри категорически высказывается за самостоятельное юридическое изученіе преступленія ³⁾.

Но ошибочность этой точки зрѣнія сразу бросается въ глаза, поскольку намъ ежедневной практикой приходится констатировать одну изъ крупныхъ особенностей преступленія—его уголовно-*правовой* характеръ.

Вся система репрессивной и превентивной дѣятельности государства въ борьбѣ съ преступностью основывается на нормахъ уголовного закона. Отъ совершенства этихъ нормъ зависитъ правильное отправленіе правосудія. Поэтому законодателью, какъ регламентатору уголовного правоотношенія, необходима прежде всего *абстракція* этого правоотношенія. Послѣдняя же—сфера юридико-техническихъ изслѣдованій,

1) Э. Ферри, *op. cit.*, стр. 575.

2) Э. Ферри, *op. cit.*, стр. 579.

3) Э. Ферри, *op. cit.*, стр. 13.

конструкцій понятія преступленія вообще, и отдѣльных его видовъ въ частности.

Поэтому, для уголовно-правовой науки спеціально юридическое изслѣдованіе преступленія, какъ явленія юридическаго, настолько важно, насколько важно и оправдывается существованіе въ правовомъ государствѣ регламентированной системы уголовно-правовыхъ отношеній.

Ясно, стало-быть, что игнорированіе такой важной особенности въ изучаемомъ явленіи должно быть учтено, какъ дефектъ въ научной концепціи антропологической школы.

Восполнить этотъ недостатокъ въ теоріи пришла *соціологическая школа*, исчерпавъ своей постановкой изученія проблемы преступленія и наказанія всю сущность явленія, а значитъ и все содержаніе науки уголовного права.

Соціологическая школа проблему преступленія и наказанія дѣлаетъ объектомъ изученія трехъ самостоятельныхъ, и въ то же время, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, дисциплинъ, образующихъ собой *систему науки уголовного права: уголовной соціологіи* (криминологіи), *уголовной политики* и *уголовной догматики*¹⁾.

Исходя изъ основного принципа ученія о преступленіи, какъ явленіи соціальномъ, *уголовная соціологія*, или «криминологія»²⁾ какъ въ томъ же смыслѣ выражается проф. Листъ, рассматриваетъ преступленіе въ его общественномъ и индивидуальномъ проявленіи³⁾. Въ сферѣ общественнаго своего проявленія преступленіе становится объектомъ изученія *криминальной соціологіи*; въ сферѣ индивидуальнаго проявленія—объектомъ *криминальной біологіи* или криминальной антропологіи, съ двумя спеціальными отдѣлами: криминальной соматологіи и криминальной психологіи⁴⁾.

1) А. Пюнтковский, Наука уголовного права, ея предметъ, задачи, содержаніе и значеніе, Ярославль, 1905 г.

2) Проф. Фр. Листъ, Учебн. уг. права, ч. Общ., стр. 71.

3) Проф. Фр. Листъ, „Общественные факторы преступности“, Журн. Мин. Юстиціи, 1903 г., № 2.

4) Проф. Фр. Листъ, Учебн., стр. 72.

Это «каузальное, естественно-научное»¹⁾, какъ выражается проф. Листъ, изслѣдованіе преступленія, обнаруживая цѣлую совокупность причинъ, опредѣляющихъ собой преступную дѣятельность субъектовъ, приводитъ научную мысль къ выработкѣ цѣлесообразныхъ формъ репрессивной и превентивной борьбы съ преступностью, перемѣщая, такимъ образомъ, центръ борьбы съ нею съ личности преступника на опредѣляющія преступность причины. Изученіе этихъ формъ *превентивной и репрессивной* дѣятельности государства входитъ въ задачу *уголовной политики*²⁾.

Вышеозначенныя дисциплины уголовной соціологіи и уголовной политики, изучивъ преступленіе и наказаніе, какъ отношенія фактическія, приводятъ къ юридико-технической регламентаціи этихъ фактическихъ отношеній—преступленій и юридическихъ ихъ изслѣдованій—наказаній. Эта *юридико-техническая регламентація* преступленія и наказанія входитъ въ задачу *уголовной догматики*.

Такова постановка вопроса о *содержаніи* науки уголовного права въ трудахъ выдающихся криминалистовъ, примыкающихъ къ соціологической школѣ³⁾.

ГЛАВА II.

Намъ придется теперь сопоставить *методы* науки уголовного права, которыми оперируютъ вышеназванныя школы.

Опредѣляя объектъ изученія уголовно-правовой науки—преступленіе, какъ категорію чисто юридическую, какъ «понятіе», классическая школа примѣняетъ приемы юридического изученія положительнаго уголовно-правового мате-

¹⁾ Проф. Фр. Листъ. *op. cit.*, стр. 71.

²⁾ С. Гогель, *Курсъ уголовной политики*, С.-П.-Б., 1910 г., стр. 163 и сл.

³⁾ Соціологическая школа имѣетъ въ настоящее время представителей во всѣхъ европейскихъ государствахъ: Тарда—во Франціи; Листа и Ашафенбурга—въ Германіи; А. Принса—въ Бельгіи; Ванъ-Гамеля—въ Голландіи; Гершета, Чубинскаго, Пюнтковскаго—въ Россіи. и мн. др.